

Л.В. Матвеева

ВИКТОР ИВАНОВИЧ ГРИГОРОВИЧ – ПЕРВЫЙ УКРАИНСКИЙ СЛАВЯНОВЕД-ВИЗАНТИНИСТ (1815–1876)

«Наука, как неослабный стимул, знала его неустанно вперед и привела к результатам и открытиям, которые превзошли самые смелые ожидания. Имя славного слависта стало неразлучно в истории славянской науки с эпохой ее крупного подъема».

Русский филологический вестник. – 1902. – № 1–2. – С. 220–221. –
О В. Григоровиче.

В ПЕРВОЙ половине XIX в. среди историков, стремившихся к более углубленному изучению византийских источников, истории славяно-византийских отношений и всемирной роли Византии, был Виктор Иванович Григорович. Имя его, выдающегося ученого своего времени – историка, филолога, слависта, антиковеда и византиниста, члена-корреспондента Российской академии наук, профессора Казанского и Новороссийского университетов, – заслуживает благодарной памяти потомков. В неопубликованной рукописи «Византологія та студії над слов'янським світом у Росії – XIX – на початку XX віку» В. Бузескула, завершавшей цикл его востоковедческих трудов, ученый назвал Григоровича первым византинистом в стране, славистом-основоположником славянской филологии.

Григорович, воспитанник Харьковского университета, вошел в историю страны тем, что, в отличие от большинства исследователей своего времени (начала XIX ст.), которые, следуя «моде», направлялись к западным славянам, Виктор Иванович решил отправиться в «непочатые края» – на Балканский полуостров, в Турцию. Путешествие длилось три года (1844–1847). Ученый собрал большой и разнообразный материал. Его прославленный «Очерк путешествия по Европейской Турции» (1848) содержит важные сведения о политической истории и письменности южных славян. Не менее интересны его путешествия и по другим балканским странам, для изучения истории которых Григорович впервые использовал византийские источники.

Он впервые ставит вопрос о значении византиноведения для славянства и о потребности развития культурных, социально-экономических связей между ними. В работах Григоровича показано глубокое значение внутренней византийской истории для славяноведения. В лице Григоровича научное славяноведение объединилось с научным византиноведением. Он был ученым своего времени, и, естественно, его мировоззрение формировалось и определялось особенностями эпохи, в которой он жил.

* * *

Виктор Иванович родился в г. Балте 30 апреля 1815 года, в семье черниговских мещан. Отец его служил исправником в г. Григориополе Тираспольского уезда. В г. Балте он находился на полицейской службе. Мать его происходила из мелкопоместных польских шляхтичей Шелеховских католического вероисповедания, но сам Виктор Иванович был православной веры.

Первоначальное воспитание и образование Виктор получил в пансионе униатов-базилиан в г. Умани, куда его семилетнего определили родители.

В сентябре 1830 года, 15 лет от роду, В. Григорович поступает в Харьковский университет на этико-филологическое отделение философского факультета и заканчивает его в июле 1833 г. с дипломом действительного студента.

Один из старейших, первый в Восточной Украине, Харьковский университет (1804), начало летописи которого связано с именем известного общественного деятеля

Василия Каразина, славился высокопрофессиональным преподавательским составом, был средоточием ученой мысли в городе.

Философский факультет Харьковского университета в начале 30-х годов XIX в. имел своих выдающихся личностей, заложивших фундамент историко-филологической науки. Известным профессором всеобщей истории был М.М. Лунин, о котором впоследствии писал В. Бузескул, называя его «харьковским Грановским». Известны также имена братьев Н.А. и П.А. Лавровских, выдающихся ученых, специалистов в области истории, русского языка и словесности, истории и теории, эпоса. Николай Алексеевич Лавровский, занимавший кафедру словесности, является автором замечательного для своего времени исследования «О византийском элементе в языке договоров русских с греками» (1853). Блестящим представителем классической филологии был И.Я. Кронеберг, сыгравший большую роль в формировании научных взглядов В. Григоровича, его увлечении филологией и историей.

Здесь же следует вспомнить и научный кружок слависта, впоследствии академика, И.И. Срезневского, где уделялось большое внимание изучению как западного, так и южного славянства.

В своих воспоминаниях И.И. Срезневский дает очень четкую характеристику В. Григоровичу, особенно тех черт, которые он сохранил на всю жизнь: «Скромный, застенчивый, можно сказать, боязливый, он хотя и не удалялся от товарищей, но сближался с очень немногими из них и даже сближившись оставался робким... как будто скрытным, недоверчивым. Это была недоверчивость... к самому себе, к каждому своему поступку, к каждому слову...»¹ Его поразительная скромность не давала возможности полностью раскрыться. Долгое время оставалась неизвестной его склонность увлекаться историей и поэзией, складностью и звучностью речи.

После окончания Харьковского университета (1833 г.) восемнадцатилетний юноша, с наставлениями своих учителей продолжать учиться и с желанием пройти настоящие университеты, поступил в Дерптский профессорский институт (1834). Так начались первые шаги В. Григоровича в науке, стремившегося посвятить себя клас-

сической филологии и основательно углублять свои знания. Он увлекался немецкой классической филологией, лингвистикой, историей и славяноведением. В то же время определилось его влечение к языкознанию.

Друзья по Дерпту говорили о Григоровиче как о человеке больших дарований. «В скромном Дерпте, в то время гнезде настоящей науки, – писал «Русский филологический вестник», – вполне обрисовался духовный облик ученого. Помимо факультетских предметов Виктора Ивановича занимает здесь философия Гегеля, охватывшая тогда всю Европу, и славянство»².

В соответствии со своим историческим мировоззрением Григорович был убежденным последователем последнего, считая теорию Гегеля высшим достижением историко-философской мысли, а созданную им методологию – единой возможной для правдивого изучения человечества.

В 1838 году, после окончания учебы в Дерптском профессорском институте, Григоровича направили в Казанский университет, где он с апреля 1839 года начал преподавать греческий язык. Со временем Виктор Иванович переходит от классической филологии к славяноведению. Уже первые его работы свидетельствовали о том, что в лице В. Григоровича ученый мир был вправе ожидать выдающегося слависта. В 1840 году он защитил кандидатскую диссертацию под названием «Исследование о церковнославянском наречии, основанное на изучении его в древнейших памятниках, на исторических свидетельствах и на отношении его к новейшим наречиям» и был удостоен степени кандидата наук.

Первые шаги Виктора Ивановича в науке, по воспоминаниям профессора А.А. Кочубинского, производили чарующие впечатления, их чисто оригинальный взгляд на историю славянских литератур – стремление обработать в ее совокупности, показать их взаимодействие, «не допускавшее двоения». Это был необыкновенный ученый, – говорил казанский попечитель Молостов, – посвящающий себя профессорскому званию для достижения личных, но человек страстный в науке, жертвующий всем для нее»³.

Первая научная работа Григоровича носила глубоко исследовательский характер. Виктор Иванович привлекает внимание ученых к литературе и истории славянства,

показывает их взаимовлияние, взаимодействие. Работа отличалась своими яркими, убедительными обобщениями. Ученый выступает в защиту так называемой паннонской теории, Паннонии как места происхождения церковнославянского языка. Виктор Иванович остановился уже на тех вопросах, которые впоследствии были одной из главных, если не главной целью его изысканий.

Известный византолог Ф.И. Успенский подчеркивал, что диссертация Григоровича по своему методу и историческим выводам может быть сравнена с европейскими историческими произведениями 40-х годов XIX в.

В 1841 году Виктор Иванович публично защищает магистерскую диссертацию «Опыт изложения литературы словен в ее главнейших эпохах» и в 1843 году получает степень магистра славянской филологии. Как писал И. Котляревский, это было первое ученое сочинение в России о славянской литературе с точки зрения славянской взаимности⁴, первая попытка осмыслить отдельные факты славянской истории и литературы и показать необходимость их и логическую последовательность. Работа включает две эпохи – с IX в. до начала XV века. Это было явление очень замечательное для своего времени, – писал И. Срезневский. До его выхода в свет был издан только один труд такого рода – «Geschichte der Slawischen Sprache und Literatur nach allen Mundarten» (1826 г.) П. Шафарика.

Современники отмечали несомненный успех магистерской диссертации В. Григоровича, существенной особенностью которой являлось то, что в ее основании было положено философское направление, представленное в стройном порядке «причинности и логической последовательности», «дается философское освещение явлений, при чем сказывается влияние гегелевской философии»⁵. Основная мысль диссертации сводилась к тому, что в истории нет ничего случайного, все имеет свою причину и объяснение в предыдущих стадиях.

Виктор Иванович пытается осмыслить этапы славянской истории и литературы. Руководящим мотивом служила для него идея народности. Следует отметить, что В. Григорович впервые выдвинул идею на-

родности и общечеловеческого признания славян, идею единства славян. «В этом «опыте», – писал А.И. Кирпичников, – не только русская и польская литературы рассматривались параллельно, как части одного целого, но и сопоставлялись литературные факты, принадлежащие таким народностям, за которыми до сих пор не признавали никакой литературы»⁶.

Другая особенность «Опыта изложения литературы славян» состояла в том, что история славянских литератур рассматривалась здесь в связи с политическими судьбами народа и как стадия «общеευропейского умственного и политического развития». Отличалась работа ученого еще и выбором данных о важнейших памятниках старины.

В. Григорович здесь же пишет о влиянии Византии на славянские народы в XI–XIV вв. Литература славян этой эпохи, – подчеркивает ученый, – есть плод влияния религиозного просвещения Византии. Обращаясь к летописям русским и славянским, Виктор Иванович находил, что они – «один образец» – византийский. Ученый пишет, что русские летописи начинались «выписками из византийцев», потом переходили к общим «сказаниям о словенах и, наконец, – к повествованию о современных им событиях».

Ранние исследования Григоровича свидетельствуют, что ученый творчески подходил к изучению славяноведения, учитывая «византийский фон». Он впервые ставит перед научным миром проблему славяновизантийских отношений.

Первые научные труды ученого заложили прочный фундамент дальнейшим изысканиям на пути славяноведения, тем более что эта наука выходила на широкую дорогу. В течение многих лет в ученых кругах часто возникала мысль об учреждении в отечественных университетах кафедр славяноведения. Наконец по университетскому уставу 1835 г. эта мысль воплотилась в жизнь: были основаны кафедры истории и литературы славянских наречий. В. Григорович, как и многие другие ученые, получил возможность совершенствоваться в избранной отрасли знаний, что впоследствии дало свои положительные результаты.

С 1844 г. начинается новый период деятельности В. Григоровича, самый насыщен-

ный научными делами слависта, его общественный подвиг. На государственном уровне появилась мысль усовершенствовать отечественный профессорский состав для вновь созданных славянских кафедр. С этой целью готовились молодые специалисты-славяноведы для отправки их за границу. Среди них оказался и В. Григорович.

Характерной чертой ученого в его отношении к исследовательской работе был концептуальный подход: вся его деятельность наполнена изначальными программами, отличающимися в методологическом отношении научной глубиной и стройностью. И здесь он предоставил в совет университета весьма интересный план своего путешествия.

В плане Григорович выражал надежду сделать некоторые открытия в области истории и литературы славян. Стремясь к этой цели, – писал ученый, – «желаю обратить особенное внимание на такие словенские племена, которых история, языки и письменность еще мало приведены в известность. Южные словены и именно болгары и сербы будут исключительным предметом занятий моих, которыми, быть может, и мне возможно будет расширить настоящий круг сведений о словенах»⁷. Главным направлением своих исследований Виктор Иванович считал «интересы славянской мысли» в слове, литературную старину в связи с культурными запросами эпохи.

Корифей современной славянской науки П. Шафарик писал, что в самой России он уже вышел на след памятников из эпохи начальной письменности славян, и, имея в виду Григоровича, подчеркивал: энергичный избранник Казани поставил изучение истории литературы главным предметом занятий – область, почти не тронутую его сотоварищами.

Виктор Иванович не ожидал новых открытий от других, а самостоятельно стремился к ним. Эта несколько суженная сфера его научных интересов направлялась в неизвестность, самую темную область – начало славянской литературы, ее древнейшие памятники, письмо и язык. Вот почему если ранее его старшие сотоварищи свой славянский обход начинали с западного конца, оставляя как бы недоступными в мечтах Турцию и Афон, то Григорович свой славянский путь начал с нетронутого дикого Востока.

Наименее известным славянским краем, но и наиболее интересным по вопросу о начале древнеславянской письменности и о связях славянского юга с Древней Русью была Болгария, находящаяся под турецким владычеством. Но в то время здесь не бывал никто из славистов.

Неизвестность манила талантливого ученого. И еще было одно важное условие, заставлявшее его начать свой путь именно с этой «темной области», – это классическое образование, знание языков древности, а главное – истории Византии. Он не только интересовался славянством, но и византийской стариной. «Византийцы, – писал Григорович, – сделались необходимым чтением, а приобретение способа разуместь их точнее – постоянным предметом поисков»⁸.

Путешествие Григоровича началось в августе 1844 года. Из Одессы через Константинополь он направился в глубь Турции. Он думал найти следы просветителей, «виновников Духовной Словесности и первых началах их трудов». «Где осталось почитание наших Славянских Апостолов, – писал Григорович, – а с ним и первые следы письменности Кирилловской и Глагольской, где сосредоточилась деятельность ревнителей Духовной словесности, – эти вопросы задавал я себе, посещая Афонский полуостров, Солунь и Охриду»⁹.

Им руководило большое желание вступить первым на священную землю родины славянских мудрецов Кирилла и Мефодия, а потом на Афон и глухую Македонию.

Отважное путешествие в глубь дикой Турции одиночного ученого 40-х годов XIX в. представлялось современниками как целая эпопея. «Отважным» оно называлось в связи с ужасными условиями, в которые попал ученый: «... на каждом шагу препятствия и никакого доступа ни к чему...»¹⁰

Однако «подвижника науки» не останавливали эти дикости. Виктор Иванович открывал все новые важные для науки следы славянства. У Охридского озера он открыл следы культа св. Климента и некоторых учеников славянских апостолов. На Афоне, куда он стремился как в главный центр литературной добычи, Виктор Иванович копался во всех книжных складах, в чуланах, чердаках, сырых подвалах. Афонские монастыри были некогда убежищем просвещенных монахов, среди которых находились

не только греки, но и славяне. До Григоровича никто из ученых не проникал во все их сокровищницы. К примеру, в сыром подземелье Хиландарского монастыря, среди гниющей груды рукописей, Виктор Иванович обнаружил листки древнейшего кирилловского письма, очистив тысячелетний пергамент от грязи. Таинственный Афон стал открытой книгой для ученых историков литературы и славянства в целом.

В. Григорович открыл тысячи греческих и славянских памятников: грамоты в монастырях, целые кодексы глаголицы, Евангелие Зографское – важнейший памятник болгарской глаголицы, старейший евангельский текст – глаголическое Четвероевангелие и много рукописей церковного и литературного характера XII–XIII вв.

На пути своего следования по Болгарии Григорович собрал из старых церквей, монастырей коллекцию рукописей на болгарском языке XVI–XVII веков (в Риле, Шипке и др.), единственную в своем роде и тем самым драгоценную для историков литературы и языковедов. Изученные Григоровичем памятники позволили талантливому, проницательному ученому высказать блестящую гипотезу об органическом развитии современного болгарского языка, исключающем мысль о воздействии на него одних механических факторов. Новейшая наука того времени подтвердила выводы ученого.

Не меньшие успехи ожидали Григоровича в Румынии, где он, кроме славянских памятников Средневековья в истории румын, грамот, в Быстрицком монастыре в Валахии открывает первый, старейший текст румынского языка и литературы светского содержания – *Летопись Моксы* (перевод с болгарского языка) от начала XVII века. В Вене он описывал важнейший исторический памятник – «Протоколы Константинопольского патриархата XIV-го столетия», освещающие любопытные зачатки самостоятельности румынской церкви.

Ни одна экспедиция на то время не приносила для науки такие богатства, какие принес В.И. Григорович в своем одиночном «солдатском походе».

Н.П. Петровский справедливо писал об этом: «Несколько ранее Григоровича побывали в славянских землях в долгосрочной командировке Прейс, Срезневский, Бодянский, нимало не отрицая за ними больших

заслуг, нельзя не сказать, что никто из них не использовал свое путешествие так успешно в смысле обогащения науки новыми данными, как он...»¹¹

В путешествии по Европейской Турции В. Григорович стремился раскрыть индивидуальные и общечеловеческие черты у славян, высшее проявление которых он видел в христианском просвещении. Григорович верил, что признание необходимости существования языков для взаимного общения пробудилось вместе с распространением христианства, «ибо освящающая сила христианства пробуждала народности и к сохранению себя, и к уважению других. Не отчуждение, не коснение было следствием проникновения народности христианством, но возможное ее единение и взаимность с другими народностями»¹². Христианские народы, по мнению В. Григоровича, во всех направлениях своей нравственной деятельности руководствуются законами христианства. Как источник индивидуального и народного просвещения, христианство поставило славянские племена в ряду народов, которые трудятся для человечества, «связало их жизнь с жизнью древних и новых цивилизованных народов и спасло их для человечества»¹³.

И.П. Котляревский писал: «В своих разысканиях Григорович редко заходил в более отдаленную классико-доисторическую древность, он ограничился эпохой христианской: неутомимо обзревая церкви, монастыри, он везде доискивался следов излюбленной им древнеславянской письменности. Он был столь счастлив, что умел спасти от гибели много чрезвычайно важных письменных памятников, как напр. греческую псалтырь XI в. с художественными миниатюрами и знаменитое глагольское евангелие XI в.»¹⁴.

Этим основным целям Григорович посвящал свои путешествия, особенно тщательно и с чувством теплоты и заботливости разыскивая следы памяти о жизни и деятельности святых славянских просветителей и христианской древности. Обзревая монастыри и церкви, Григорович уделял большое внимание остаткам старинной славянской письменности. Стремления ученого увенчались успехом: нередко он делал открытия, находя неизвестные памятники-рукописи, представившие ему неисчерпае-

мый материал для написания впоследствии оригинальных трудов. Среди важнейших рукописей выделялись: «Краткое житие Климента Величского», «Греческая псалтырь XI в.», «Глаголическое евангелие XI в.»¹⁵. Он был предан глаголице как религиозной святыне.

Знакомство с жизнью славянских народов, изучение их языка и литературы способствовало расширению взглядов ученого и в целом его кругозора. Результатом поездки явилась известная в ученом мире книга Григоровича «Путешествие по Европейской Турции», появившаяся в 1848 году и переизданная в 1877 г. По выражению И.И. Срезневского, этим замечательным произведением едва ли когда перестанут дорожить славянские историки и филологи. Книга посвящена научному описанию главнейших богатств Балканского полуострова.

Путешествие В.И. Григоровича оставило глубокий след в истории мировой славистики. Виктор Иванович благодаря своим открытиям становится известным во многих странах мира, а Казанский университет – крупным центром славянской филологии. Важным является то, что Григорович способствовал расширению научных связей со многими как зарубежными, так и российскими учеными.

В апреле 1847 года В. Григорович вернулся в Казань. 10 мая 1847 г. его утвердили и.д. экстраординарного профессора по кафедре истории и литературы славянских наречий. Особенно увлеченно ученый рассказывал о своей поездке, о древнейшем времени литературной деятельности славян в Болгарии. Но что поражало ученых – это впервые сказанное Григоровичем слово о связи византийской Греции со славянством, о византийской древности и ее истории. По воспоминаниям Срезневского, это было ему тогда почти совершенно чуждо.

Путешествия Григоровича по славянским землям вызвали у ученого живой интерес к познанию языка, памятникам письменности, быта и истории славян, его увлечение народностью, народной поэзией, верованиями. Именно к началу XIX в. относится формирование новой науки сравнительного языкознания и филологической критики, развитие национального сознания, пробуждение славянского мира и начало славянского «Возрождения». В. Григорович

находился, можно сказать, в гуще событий, ибо в тот период стают весьма популярными и познавательными путешествия ученых по славянским странам с целью познания историко-лингвистических вопросов, ожививших изучение исторических памятников, для восстановления правды происхождения славянского языкознания.

После путешествия по Балканским странам В. Григорович в 1849 г. возвратился в Казань, где продолжал свою подвижническую деятельность. Он выступал с докладами на разные темы славяноведения: «О среднем и новом болгарском языке, рассматриваемом сравнительно по древним рукописям и народным песням», «Некоторые дополнительные известия о св. Кирилле и Мефодие, первопророках славянских и изобретателях славянской грамоты», «Замечания об изучении славянской филологии, основанном на общих началах сравнительного языкознания», «О глаголите».

В Казани В. Григорович проработал около 25 лет, и здесь к началу 60-х годов XIX в. вполне определилось его научное направление. Публикации ученого появлялись в московских, петербургских и казанских изданиях. Это, в частности, такие работы: «Памятники XV века» (1850), «Чтение о древней письменности славян» (1857), «Записки о древнейших памятниках церковно-славянских». Особенно важны «Статьи касающиеся древнего Славянского языка» (1852), которые долгие годы не теряли своего значения по самостоятельному взгляду на глаголицу. Важны работы Григоровича о древнеславянском языке, славянских апостолах св. Кирилле и Мефодии.

Изучая славяноведение, Виктор Иванович дальнейшие свои исследования в этом направлении тесно связывал с византиноведением. На первый план вышла проблема славяно-византийских отношений, в связи с чем ученый переехал в Одессу, считая, что условия для осуществления задумок по истории империи были благоприятны здесь. Одесса как окраинный город, где сосуществуют греческая, румынская и русская народности, по мнению Григоровича, являлась на то время наиболее удачной для изучения византийско-славянских отношений. Он оценивал этот город как центр, из которого можно вести изучение многих весьма важных в историческом отношении

местностей Южной России, столь близкой к славянам Балканского полуострова.

В особой записке 1860 г. В. Григорович подает план основания на юге при Ришельевском лицее кафедры славянской филологии, отводит большое место новогреческим, румынским языкам и литературе. В ней излагалась подробная программа той работы, которая в области византийско-славянских научных вопросов должна и может быть выполнена в Одессе легче, чем где-либо в другом месте России. Даровитый славист и византинист указывает на то, что преподавателю славянской филологии на юге необходимо объединять византийские и румынские исследования согласно потребностям местной российской науки. Успенский замечает, что такие «занятия» на то время были крайне нужны. В силу своей преданности науке Григорович пытается привлечь под научные знамена верных сподвижников. Он высказывает доверие к беспристрастию науки такими словами: «В деле просвещения, особенно в щекотливом вопросе о народностях, нужно давать место частным направлениям и, не подавляя их, возвышаться над ними, пробуждая высшие потребности. Признание народностей, познание их существенных нужд с целью найти способы их примирения и останавливать неразумное соперничество становится отличительной чертой русского просвещения. Поставив науку посредницей в явном или скрытом споре народностей, российское просвещение, знаменуясь терпимостью, придаст русскому языку ту необходимость, какую приобрели европейские языки, выражая собой высшие духовные потребности. Кафедра славянской филологии, имея целью усиливать беспристрастное изучение языка и быта народов, будет не проповедницей распрей, но мирным органом науки, ведущей к соглашению»¹⁶.

Григорович говорил и о народностях греков, об их развитии, которое носило двойственный характер: осознав необходимость некоторых собственных преобразований, греки по отношению к другим народностям продолжали «почти неуклонно византийское направление». «Отчуждая от себя другие народы», – писал Григорович, – греки смотрели на них «как на средство», а не сподвижников своих успехов. Этим объяснялась сущность возникновения недоразумений

между греками и другими народами. Виктор Иванович призывал ученых непрестанно раскрывать эту сущность, чтобы сохранить «мирное движение просвещения».

В своей записке Григорович проводит сравнительные характеристики отдельных народов. Румыны, так же как и греки, по его мнению, обладают самоуверенностью, гордятся своим происхождением, стремясь к восстановлению латинизма. И здесь же автор подчеркивает обязанности преподавателя славянской филологии: «... следить за направлением литературного и общественного движения у этих народов». «Уму моему давно рисуется план повременного издания, – писал Григорович, – в котором складывались бы сведения о южных землях, заселенных славянами, румынами и греками. Не притязая на политическое значение и не выходя из скромного объема, оно могло бы служить посредником в передаче постоянно увеличивающихся сведений о древностях, географии, этнографии и словесности соседних народов»¹⁷.

В 1864 г. Григорович окончательно переехал в Одессу, где в 1865 г. был назначен профессором в только что открытый Новороссийский университет. Начался новый период в жизни ученого. Здесь Виктор Иванович предстал как доктор славяно-русской филологии. Казанский университет присвоил ему эту степень без защиты, учитывая большой вклад ученого в развитие науки.

В. Григорович стремился на юг, как можно было видеть из его записки, с целью поставить здесь свои задуманные славяно-византийские исследования на научные основы. Он мечтал наукой урегулировать отношения соседей: славян, греков и румын, сгладив их взаимные недоразумения. Все мысли были о том, как он пробудит «в обществе широкие симпатии к местным изучениям, среди которых ему грезилась возможность даже отыскать «лапидарные памятники» из эпохи до Кирилла, и новый свет озарит темные века нашего юга, исконного культурного питомца Византии»¹⁸.

В воспоминаниях Ф.И. Успенского казанский период жизни Григоровича отличался весьма определенным поступательным движением в его развитии. С каждым новым трудом кругозор его заметно расширялся, научные знания пополнялись, «он все еще обнаруживал признаки роста». Однако

в Одессе, новом поприще, куда он прибыл с прекрасными замыслами, ученый столкнулся с неожиданными проблемами, что заставило его пожалеть о Казани. «Прежде всего, столкновение с коммерческими практическими людьми Одессы охладили его идеальность и рассеяли его заветные мечты о славянской взаимности», – писал «Русский филологический вестник»¹⁹. Он не нашел в местном греческом и славянском обществе сочувствия своим научным идеалам. «Пока еще не открытый в Одессе университет, – отмечал Григорович, – можно высказывать смело сомнения в его пользе. Наружная просвещенность едва прикрывает бесхарактерность общества, отвлекаемого материальными интересами. Университету среди такого общества несдобровать. Здешнее общество, мне кажется, не имеет еще искренней потребности в науке. – Что сказать о той науке, которой посвящаю себя? Называя свое направление византийско-славянским, я надеялся найти здесь пособия. Но можно ли найти их среди славян, зараженных фанатизмом более греков, среди людей высшего класса, которых политическая болтовня заставляет забыть, что есть еще грамматика, история, география, старина... При таких обстоятельствах тяжело трудиться на юге»²⁰.

Григоровича, сторонника славянского взаимодействия, поразило, что в Одессе «господа болгары и сербы чужды друг другу». «При ближайшем внимании, может быть, окажется, что и среди болгар отдельно взятых и среди сербов преобладает отчуждение»²¹.

Однако Виктор Иванович «не презрел завета науки, обета своей жизни и работал, работал». В его деятельности ученого произошли некоторые перемены. В продолжение десяти лет, которые Виктор Иванович прожил в Одессе, он несколько дополнил свое направление в науке в связи с местными потребностями в изучении южного края. Оставаясь филологом, он становится географом, этнографом и археологом, исследуя географию края, его древности, его этнографию, язык. Труды Григоровича в этот период носят скорее краеведческий характер, но с пожеланием привлечь внимание к необходимости изучения юга России.

В Новороссийском университете Григорович преподавал славяноведение (славян-

ские наречия, церковнославянский язык, славянские древности, историю славянских литератур).

Торжеством профессора Григоровича были его лекции по славянскому языку. В значительной степени здесь преобладала история науки: Виктор Иванович знакомил слушателей с учеными, работавшими в этом направлении (Добровским, Копитаром, Миклошичем). Среди русских филологов по церковнославянскому языку выделялся А. Востоков.

В основу курса славянских древностей Григорович клал труд Шафарика, сделавшего немало для науки в Сербии в издании старосербских памятников, хроник, грамот, южнославянской нумизматике.

Наряду с преподавательской деятельностью, Виктор Иванович продолжал научную работу. Известность его как ученого была очень велика. Его называли русским Шафариком. По воспоминаниям А.И. Маркевича, каждый труд Григоровича запечатлен глубоким пониманием сущности затронутого им вопроса. У него было именно качество талантливого ученого: увидеть новое и важное там, где его не увидели многие видные исследователи. Немалую роль играло желание работать ради славянства, углублять исследования в области славяно-византийских отношений.

Первой статьей В. Григоровича в Одессе, напечатанной в «Херсонских Епархиальных Ведомостях» за 1864 год²², была публикация под названием «Исторические намеки о значении Херсона (Корсуны) и его церкви в VIII, IX, X столетиях».

В статье ученый впервые в своей научной деятельности уделяет особое внимание крупнейшему историческому центру юга России – Херсонсу, подчеркивая его значение в просвещении кочевавших некогда и оседлых народов на землях, входивших в область Херсонской епархии. В. Григорович писал: «Вникание в известные ныне памятники, поиск подобных по неизданным рукописям и, смеем сказать, раскрытие местных остатков прежнего христианского быта внушают надежду на разгадку ныне уже неминуемых задач в истории просвещения России»²³. Так ученый определяет и подчеркивает значение древних рукописей в изучении Херсонеса – одного из интереснейших мест Южной России.

В продолжение темы славяно-византийских отношений Григорович указывает на связь Херсона с Византийской империей в VIII веке, когда император Феофил подчинил его стратегу, назначенному из Византии. Вместе с тем ученый пишет о большой роли Херсона в XIII–IX вв. в распространении «особой» грамотности вследствие общения с разными кочующими и оседлыми народами сообразно различным их языкам. «Время восстановления православия (IX в.), – утверждает Григорович, – ознаменовалось незабвенным в истории Славян событием. Пребывание св. апостолов Славянских Кирилла и Мефодия в Корсуне, общение их там с разными народностями и избрание этого города исходною точкою для высокой их мысли исполнено более и более дознаваемой важности. Здесь нашли они готовый повод и получили инициативу к распространению славянского Богослужения»²⁴. По-видимому, как предполагает автор, с половины IX в. до 988 г., т.е. до крещения св. Владимира, в Корсуне совершались важнейшие события в деле просвещения северных народов.

Херсон был первым византийским городом, с которым ознакомились древние русы²⁵. Наиболее ранним этапом русско-византийских связей были контакты Руси прежде всего с Херсоном²⁶.

В 1872 г. тема о Херсоне нашла свое продолжение в речи Григоровича, произнесенной на общем собрании Одесского славянского общества. «Заметки о Солуне и Корсуне по поводу непорешенного вопроса» – так назвал свое выступление автор, в котором идет речь о ранних отношениях Руси и Византии, о пребывании братьев Кирилла и Мефодия в Херсоне. Простыми «заметками» эту работу назвать нельзя, поскольку в ней поднимались такие вопросы, которые долгое время не утрачивали своего значения. Речь идет о выяснении начала возникновения славянской азбуки.

Одновременно с Солунем на берегах Черного моря приобрел высокое значение в судьбах северных народов Херсон, что связано с развитием международных отношений, в которые вовлекла его византийская политика VII в. В IX в. (около 862 года) Кирилл и Мефодий появились в Херсоне. К этому времени Григорович относит начало русско-византийских отношений.

Этими датами автор определяет и начало российского государства. «С тех пор, – говорил профессор, – Корсунь принимает непрерывное участие в отношениях Руси с Византией. Наконец, он стал поприщем великого события – крещения князя Владимира»²⁷. Что касается вопроса о возникновении славянской азбуки, то Виктор Иванович видел и связывал это историческое событие с пребыванием Кирилла и Мефодия в Херсоне. «... Гадая по доступным нам источникам и взирая на развалины Корсуни, можем и догадываться, что там могла засиять в душах св. Кирилла и Мефодия и мысль о славянском богослужении»²⁸. Появление Кирилла и Мефодия в Херсоне около 862 г. ученый считал знаменательным событием. «Не признанием... варягов на севере началось российское Государство, но и благовестию на юге, в Херсоне, славянских апостолов»²⁹. Так Григорович делает заключение по поводу своих взглядов о ранних отношениях Руси и Византии.

«Заметки о Солуне и Корсуне» – это одна из многих работ Григоровича, где он еще раз подчеркивает значение изучения истории юга России. Он справедливо, со всей убежденностью доказывает, что не изучать преданий и отношений юга – значит грешить против русской земли. «И здесь на юге можно-ли пройти мимо побережья Днепра и Днестра, не справившись со стариной; можно-ли с равнодушием кощуну взирать на развалины Корсуни, развалины Севастополя и не вперья пытливого внимания туда, куда стремятся воспоминания всего русского народа, там место свято есть»³⁰.

Необходимость изучения юга России была осознана Григоровичем давно. Как можно было видеть, об этом он писал в записке еще в 1860 г. И эту идею ученый излагал в целом ряде работ, давая большое количество ценных и важных наблюдений и предложений. К числу таких работ относятся «Записка об археологических исследованиях Днестровского побережья» (1873), «Записка антиквара о поездке на Калку и Калмиус, в Корсунскую землю и на побережье Днепра и Днестра», «Записка об археологическом исследовании Херсона». Юга касались и «Доклады В.И. Григоровича об учреждении центрального южно-русского архива», «Записки о пособиях к изучению южно-русской земли, находя-

щихся в военно-ученом архиве Главного Штаба».

В этих работах Григорович пытается обратить внимание научной общественности на изучение истории, географии, археологии и этнографии юга России. Его мысли, изложенные в записках, долгие годы служили, а может быть, и сейчас служат методологическим указанием для каждого, кто работает в этой отрасли знаний.

В 1873 году Григорович совершил две поездки на побережье Днестра, в результате чего появились упомянутые выше две записки. Посещая эту местность, Григорович пытливым исследовал остатки старины, давал исторический комментарий. Внимание ученого привлекало каждое поселение, каждое урочище. В его описаниях этого края присутствует «яркая, одухотворенная гением историка картина»³¹.

Исследователь подробно описывает памятники старины на побережье Днестра. Восстают из забвения старинные церкви, пещерные монастыри, утесы, на которых высечены надписи. Поражает пестрый этнический состав населения.

Григорович стремился «лично» познакомиться с южнорусской землей, посещая берега Калки и Калмиуса, Корсунь, часть побережья Днепра и Днестра, познавал местности, языки и письменные памятники. Знакомясь с языком, ученый узнавал и о преданиях, и о народной поэзии. Уделял внимание христианским древностям, письменности Тавриды. Как и в поездке по Турции, Григорович в самых потаенных местах находил древние рукописи Евангелия на пергаментной бумаге, рукописи астрологического содержания, молитвы и заклятия на греческом и турецком языках 1778–1779 годов.

Виктор Иванович стремился собрать сведения о христианской культуре Тавриды. К сожалению, при посещении музеев Керчи и Феодосии его ожидало разочарование. В музеях, созданных в Феодосии в 1811 году, в Керчи – в 1826 году, памятники этой культуры «почти ничтожны». Между тем ученому было известно из жития св. Стефана Нового, что в VIII в., во время иконоборства, «Черноморские земли» отстаивали православие. «Жалко, – говорил В. Григорович, – что в лапидарных памятниках не отысканы указания на эту важную эпоху в жизни народов, подчиненных тогда византийскому влиянию»³².

В его работах отразились как методы исследования юга России, так и указания на те материалы, которые необходимо изучать тем, кто посвятит себя исследованию южнорусской земли. В «Отчете о поездке в С.-Петербург» и в «Записке о пособиях к изучению южно-русской земли» автор сообщает о различных документах, картах, атласах и планах по этой теме. Григорович писал о посещениях различных городов в Украине. Первым он посетил Кременчуг, город, который некогда был исходной точкой колонизации южного края русскими старообрядцами. Здесь профессор посетил старые храмы, городскую думу, частных лиц, обладающих библиотеками. Кроме новых церквей, он обнаружил единоверческие церкви (Рождества и Покрова), часовню старообрядцев австрийского толка. Церкви сохраняли некоторые старопечатные книги и иконы древнего письма. Все эти находки привели Виктора Ивановича к мысли, «что во время князя Потемкина староверы были главными двигателями как промышленного города, так и своего, некогда более оживленного старообрядства»³³. Григорович первый обратил внимание на староверов, считая их верными хранителями старины. В частных библиотеках Кременчуга ученый нашел, преимущественно у староверов, много исторических книг XVIII в.

В селе Решетилровка в церквях он находил не только печатные книги, но и рукописи, – тем самым, предполагал ученый, по-видимому, вольные казаки села, до того как превратили их в крепостных В.С. Попова, знаменитого правителя канцелярии князя Г.А. Потемкина-Таврического, поддерживали грамотность и «делали вклады книгами».

В Полтаве Григорович посетил Крестовоздвиженский монастырь, который в истории южного края славился тем, что был резиденцией первого архиепископа славянского и херсонского Евгения Булгариса. В его библиотеке находилась лучшая рукопись известного путешественника Василия Григоровича-Барского.

В Харькове Григорович работал в библиотеке университета и его архиве, где в то время находились российские и греческие рукописи, из которых хронограф XVII в. смешанного состава замечателен

по богатству славянских известий, греческая же рукопись Иосифа Бриенния XVII в. заключает в себе слова «этого обличителя византийских пороков и суеверий в начале XV века». Она один к одному соответствовала единственному изданию Иосифа Бриенния, напечатанного Евгением Булгарисом в Лейпциге в 1784 году.

Познакомившись с Харьковским университетом и его древним богатством, ученый пришел к выводу, что заслуги университета в упрочении русского просвещения на Юге должны быть признаны историей.

Наряду с вопросами об изучении истории южнорусского края, В. Григорович продолжал заниматься темой всей его жизни – славянской взаимностью.

Мечты об этом зародились еще, как можно было видеть, во время его знаменитого путешествия по славянским землям, когда ученый ознакомился почти со всеми заселенными славянами краями Европы. Он видел славян просвещенных, вышедших из мрака забвения, известных миру своей творческой силой. Вместе с тем ему встречались славяне, борющиеся за свое духовное возрождение. Целый ряд славянских деятелей сознавали важность идеи общения славян между собой. Укрепление славянской взаимности было тесно связано с пробуждением славянского самосознания. Вместе с тем славянская взаимность являлась источником тесного единения славян в спасении своей народности.

На то время (60–70-е годы XIX в.) славянская взаимность, тесное единение славян – эти вопросы заполнили периодическую печать. Григорович приветствовал и прекрасно сознавал, что необходимость изучения славянства рассматривается со стороны выяснения его «как жизненной силы в истории российского народа».

Одним из светлых моментов в жизни ученого был 1867 год, когда в Москве состоялся Славянский съезд. Воочию осуществлялась заветная мечта Виктора Ивановича о славянской взаимности. Он был командирован в Москву для участия в этом съезде и московской этнографической выставке в качестве депутата от Новороссийского университета. Радушная встреча славян в Москве воодушевила славянских гостей съезда, и они в своем прощальном слове, обращенном к русским, говорили те-

плые слова, запечатленные в их послании: «При этой нашей встрече почувствовалась и созналась вообще потребность, чтобы славянские народы далее уже не расходились и, по крайней мере, в науке и в кругах просвещенных все более сближались между собою, живым обменом своих мыслей и трудом и взаимной помощью лелея общее сокровище самородной славянской образованности»³⁴.

По возвращении из Москвы, по воспоминаниям современников, Григорович пережил и перечувствовал определенный идейный подъем, тем более что в Одессе он был единственным авторитетным представителем славянской науки. Выражая славянские надежды, Григорович заботился о том, чтобы в Одессе поддерживалась постоянная связь со славянским миром. Он выступил с инициативой создания здесь славянского общества. Его заботы и труды завершились успешно. Уже в 1869 г., в мае, с особой торжественностью праздновался день Кирилла и Мефодия, где Виктор Иванович выступил с речью «Значение взаимности славянской в русском споре о старине и преобразованиях».

Мысли, высказываемые Григоровичем, имели исключительное значение для общества, где поселился ученый, приехав в Одессу. Он стремился те неизбежные противоречия во взглядах на славян, с которыми он здесь встретился, постепенно устранять и способствовать укреплению славянской взаимности.

Высказывания ученого, направленные на объединение славянства, славянскую взаимность, не остались без внимания. Одесская интеллигенция прислушалась к его воззванию, и в мае 1869 г., после торжественного собрания, где произносил свою речь Виктор Иванович, состоялось открытие славянского благотворительного общества им. Кирилла и Мефодия. Григорович был первым его секретарем. Общение между славянами, развитие славянской науки – главные задачи общества.

Профессор Г.Е. Афанасьев в своих воспоминаниях писал: «Всею душой он предан был идее общества, в нем видел средство культурного единения славян; задачу его видел в развитии национального самосознания славянских племен и распространения в российском обществе знакомства с другими славянскими племенами»³⁵.

Первые строки устава общества носили знаменательные слова: «поощрение науки славянской». В своей речи под названием «Из летописи науки славянской» В. Григорович ставит два вопроса: откуда пошла наука славянская и как она сложилась, какой «заряд» влила она в область славяноведения.

Историк считал, что настала пора заговорить о славянской взаимности. Предшественниками были правительственные меры в России, а именно университетский устав 1836 г., когда, как уже отмечалось, славянскую науку внесли в круг высшего образования. «Университетам дарованы были кафедры славянской науки, – говорил ученый, – и в то же время появился громадный труд И.П. Шафарика «Славянские древности». Наконец – славянский мир обрадован был появлением давно ожидаемого Остромирова Благовестника, изданного А.Х. Востоковым, и в то же время послышались первые чтения о славянской науке в университетах»³⁶.

В исследовании области взаимности следовало, по мнению ученого, изучать жизнь славян древних веков. Заботливость о родной старине является признаком жизнеспособности в цивилизации народов. «Народы образованные шествуют вперед, озираясь. Они оглядываются на свое прошедшее, и в этом состоит их исторический консерватизм. Вот почему наука древности сдела-

лась невидимым условием правильного течения политической жизни»³⁷.

Изучая славянскую старину, по мнению Григоровича, тем самым объединяем побратимство старого земства с новым, находим общие черты в их историческом развитии.

Виктор Иванович делает попытку определить основные исторические этапы соединения славян. Первым этапом он называет период перехода от язычества к христианству до половины XI в., когда исходной точкой просвещения явилось завещанное Кириллом и Мефодием и их учениками слово в славянском богослужении.

Затем, от XI в. до XIV в., славяне в сфере восточной и западной церковной письменности обнаруживают отношения свои к Византии и Риму, к грекам и германцам и «посильную охрану родовых преданий».

С XIV до начала XVII в. у всех славян народное слово пробудилось к жизни. С половины XVIII в. все славяне начали вести летопись возрождения своих литератур. В заключение своей речи Григорович подчеркнул, что возникновение славянского благотворительного общества говорит о необходимости изучать славянский мир. Виктор Иванович напомнил слушателям слова Н. Карамзина: «Пора нам перестать быть умными чужим умом и славными чужою славою». Несомненно, главным идейным руководителем общества был В. Григорович.

Далі буде

¹ Успенский Ф.И. Воспоминания о В.И. Григоровиче // Летопись историко-филологического общества при императорском Новороссийском университете. – 1890. – № 1. – С. 17–18.

² Русский филологический вестник. – 1902. – № 1–2. – С. 212.

³ Кочубинский А.А. Виктор Иванович Григорович (1815–1876) в истории славяноведения // Памятник профессору В.И. Григоровичу на могиле его в Елисаветграде. – О., 1894. – С. 22.

⁴ Котляревский И.П. Сочинения. – Т. II. – С. 396.

⁵ Бузескул В.П. Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века. – Ч. I. – К., 2004. – С. 104.

⁶ Киртичников А.И. В.И. Григорович и его значение в истории русской науки // Памятник профессору В.И. Григоровичу на могиле его в Елисаветграде. – О., 1894. – С. 52.

⁷ Памяти профессора Виктора Ивановича Григоровича // Русский филологический вестник. – 1902. – № 1–2. – С. 217.

⁸ Кочубинский А.А. В.И. Григорович в истории славяноведения // Памятник профессору В.И. Григоровичу на могиле его в Елисаветграде. – О., 1894. – С. 24.

⁹ Григорович В.И. Изыскания о славянских апостолах, произведенные в странах Европейской Турции // ЖМНП. – Ч. LIII. – 1847. – С. 2.

¹⁰ Русский филологический вестник. – 1902. – № 1 и № 2. – С. 219.

¹¹ Петровский Н. Путешествие В.И. Григоровича по славянским землям // ЖМНП. – 1915. – Декабрь. – С. 235.

¹² Успенский В.И. Воспоминания о В.И. Григоровиче... – С. 25.

- ¹³ Успенский В.И. Воспоминания о В.И. Григоровиче... – С. 38.
- ¹⁴ Котляревский И.П. Сочинения. – Т. 3. – С.-Пет., 1889. – С. 397–398.
- ¹⁵ Викторов А. Собрание рукописей В.И. Григоровича. – М., 1879.
- ¹⁶ Цит. по: Русский филологический вестник. – 1902. – № 1 и № 2. – С. 233.
- ¹⁷ Цит. по ст.: Успенский Ф.И. Воспоминания о В.И. Григоровиче // Летопись историко-филологического общества при императорском Новороссийском университете. – 1890. – № 1. – С. 35.
- ¹⁸ Памяти Виктора Ивановича Григоровича // Русский филологический вестник... – 1902. – № 1 и № 2. – С. 234.
- ¹⁹ См.: № 1 и № 2. – 1902. – Памяти Виктора Ивановича Григоровича.
- ²⁰ Цит. по ст.: Успенский Ф.И. Воспоминания о В.И. Григоровиче // Летопись историко-филологического общества при императорском Новороссийском университете. – 1890. – № 1. – С. 37.
- ²¹ Там же. – С. 39.
- ²² После увольнения В. Григоровича из Казанского университета он до назначения его профессором Новороссийского университета жил в Херсоне.
- ²³ Григорович В.И. Исторические намеки о значении Херсона (Корсуна) и его церкви в VIII, IX, X столетиях // Собрание сочинений Виктора Ивановича Григоровича (1864–1876 г.). – Одесса, 1916. – С. 1–2.
- ²⁴ Григорович В.И. Исторические намеки о значении Херсона (Корсуна) и его церкви в VIII, IX, X столетиях // Собрание сочинений Виктора Ивановича Григоровича (1864–1876 г.). – Одесса, 1916. – С. 3.
- ²⁵ Литаврин Г.Г. Византия, Болгария, Древняя Русь (IX – начало XII в.). – СПб., 2000. – С. 333.
- ²⁶ Там же. – С. 349.
- ²⁷ Григорович В.И. Собрание сочинений. – Одесса, 1916. – С. 247.
- ²⁸ Григорович В.И. Собрание сочинений. – Одесса, 1916. – С. 254.
- ²⁹ Там же. – С. 247.
- ³⁰ Там же. – С. 255.
- ³¹ Там же. – С. X.
- ³² Григорович В.И. Собрание сочинений. – Одесса, 1916. – С. 318–319.
- ³³ Григорович В.И. Собрание сочинений. – Одесса, 1916. – С. 368.
- ³⁴ Григорович В.И. Собрание сочинений. – Одесса, 1916. – С. XIII–XIV.
- ³⁵ Афанасьев Г.Е. Воспоминания о Викторе Ивановиче Григоровиче // Одесский славянский сборник. – 1880. – С. 73.
- ³⁶ Там же. – С. 208.
- ³⁷ Григорович В.И. Собрание сочинений. – Одесса, 1916. – С. 214.